

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
LITERARY STUDIES
HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-3-413-430

EDN: FMASKD

УДК 821.161.1

Научная статья / Research article

**Пушкин и Байрон в британской пушкинистике:
коммуникативные стратегии и имагологические
механизмы**

С.Б. Королева

*Нижегородский государственный лингвистический университет, Нижний Новгород,
Российская Федерация*
✉ svetlakor0808@gmail.com

Аннотация. В статье определено место и содержание вопроса о влиянии Байрона на Пушкина в британской пушкинистике на этапе ее становления (1910–1940-е гг.). Доказано, что в контексте резкого «поворота к Пушкину» и ориентации на «горизонт читательских ожиданий» одной из двух ведущих коммуникативных стратегий в британских работах о русском поэте становится стратегия борьбы со стереотипным представлением о нем как последовательном «русском Байроне». В то же время, начиная с М. Бэринга, британские исследователи вписывают этот вопрос в стратегию приближения Пушкина к британскому читателю. Две выявленные стратегии в той или иной степени сочетаются в освещении проблемы «Пушкин и Байрон» с принципами исторической периодизации (историзации нарратива) и эстетической оценки, равно как с имагологически заряженной культурологичностью подхода. В статье выявлены схождения и расхождения в этом вопросе двух ключевых работ выделенного периода – монографии М. Бэринга «Очерк русской литературы» (*An Outline of Russian Literature*, 1914) и книги Д. Мирского «История русской литературы» (*A History of Russian Literature*, 1926). Определено, что Бэринг декларативно подчеркивает новаторство русского поэта в пересоздании байроновских жанровых форм, типа героя и черт поэтики, выделяет глубину «русскости» пушкинского творчества и утверждает превосходство русского поэта над английским в поэтическом мастерстве и мировоззрении. Мирский же, опираясь на известную работу В.М. Жирмунского и во многом следуя Бэрингу, борется со стереотипным представлением

© Королева С.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

о подражательстве Пушкина Байрону с позиции филологической точности. Установлено, что в контексте ситуации холодной войны ориентация на «горизонт читательских ожиданий» в книге Я. Лаврина «Пушкин и русская литература» (*Pushkin and Russian Literature*, 1947) задала вектор «возвышению» Пушкина как способу «оправдания» русской культуры и истории. Ощутимым центром такого имагологически окрашенного сближения стал аналитический разбор Я. Лавриным полемики Пушкина с Байроном на материале его лирико-героической поэмы «Полтава».

Ключевые слова: британская пушкинистика, М. Бэринг, Д. Мирский, Я. Лаврин, влияние Байрона на Пушкина, формализм, В.М. Жирмунский

Благодарности и финансирование. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00706, <https://rscf.ru/project/24-28-00706/>.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 11 мая 2024 г.; отрецензирована 12 июня 2024 г.; принята к публикации 15 июля 2024 г.

Для цитирования: *Королева С.Б.* Пушкин и Байрон в британской пушкинистике: коммуникативные стратегии и имагологические механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 3. С. 413–430. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-413-430>

Pushkin and Byron in British Pushkin studies: strategies of communication and imagological mechanisms

Svetlana B. Koroleva

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

✉ svetlakor0808@gmail.com

Abstract. The article describes the place and major components of the question of Byron's influence on Pushkin in British Pushkin studies at the stage of its formation (1910s–1940s). It argues that in the context of 'turning to Pushkin' and orientation toward the 'horizon of the reader's expectations', one of the two leading communicative strategies in British books about the Russian poet occurred to be the strategy of combating the stereotype of him as a consistent 'Russian Byron'. At the same time, starting with M. Baring, British researchers include this issue in the strategy of bringing Pushkin closer to the British reader. The two identified strategies are, to one degree or another, combined in the Byron – Pushkin problem with the principles of historical periodization (historicization of narrative) and aesthetic evaluation, as well as with an imagologically charged cultural approach. The article reveals convergences and divergences in this issue of two key works of the highlighted period – *An Outline of Russian Literature* (1914) by M. Baring and *A History of Russian Literature* by D.S. Mirsky (1926). It is argued that Baring declaratively emphasizes Pushkin's innovation in the re-creation of Byron's genre forms, the hero and the features of poetics, highlights the depth of 'Russianness' of Pushkin's works and asserts the superiority of the Russian poet over the English one in poetic skill and worldview. Mirsky, relying on the well-known work of V.M. Zhirmunsky and largely

following Baring, fights the stereotypical idea of Pushkin's imitation of Byron from the position of philological accuracy. It has been established in the article that in the context of the Cold War, orientation towards the 'horizon of the reader's expectations' in J. Lavrin's book *Pushkin and Russian Literature* (1947) formed the vector for 'exalting' Pushkin as a way of 'justifying' Russian culture and history. The tangible center of such an imagologically colored rapprochement was Lavrin's analytical analysis of Pushkin's polemic with Byron based on the material of his lyrical-heroic poem *Poltava*.

Key words: British Pushkin studies, M. Baring, D. Mirsky, J. Lavrin, Byron's influence on Pushkin, formalism, V.M. Zhirmunsky

Acknowledgements and Funding. The study has been supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00706, <https://rscf.ru/project/24-28-00706/>.

Conflicts of interest. The author declares that there is no conflict of interest.

Article history: submitted May 11, 2024; revised June 12, 2024; accepted July 15, 2024.

For citation: Koroleva, S.B. (2024). Pushkin and Byron in British Pushkin studies: Strategies of communication and imagological mechanisms. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(3), 413–430. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-3-413-430>

Введение

Британская пушкинистика представляет собой особый вектор в изучении личности и творчества А.С. Пушкина. Своеобразие развития пушкинистики в Англии связано, в том числе, с тем, что именно для британской критики (из всех западноевропейских ее вариантов) русский поэт на протяжении всего XIX в. оставался «мало известен и чужд», на что указывал в работе «Пушкин на Западе» М.П. Алексеев (Алексеев, 1937, с. 148), оговаривая при этом, что «первые английские переводы из Пушкина относятся еще к 1827 году» и что «критическая литература о Пушкине на английском <...> не так уж бедна» (Там же, с. 149).

Становление британской пушкинистики приходится на период 1910–1940-х гг. — время, когда «под воздействием международного успеха русского романа», с одной стороны, и результатов революции 1917 г. в России, — с другой, не только вырос общий «интерес к Пушкину» (что отметил в свое время профессор А.Л. Григорьев в работе «Пушкин в зарубежном литературоведении» (Григорьев, 1974, с. 224)) у англоязычного читателя, но и в разы увеличилось количество публикаций его произведений и исследований о нем и его творчестве на английском языке (*Pushkin in English...*, 1937, p. 6). В контексте резкого «поворота к Пушкину» в англоязычном мире для британской пушкинистики на этапе ее становления стали значимыми две стратегии: выявить и проследить близость (генетическую, духовную, эстетическую) пушкинского творчества английской культуре и, в то же время, снять упреки в эпигонстве, победить устоявшееся представление о поэте как истовом и последовательном «русском Байроне». Кроме того, в работах о творчестве

русского поэта, опубликованных английскими (российско-британскими) исследователями в этот период, находит отражение принцип эстетической оценки (Ефимов, 2018, с. 17), характерный для британского литературоведения в целом.

Эти стратегии и указанный принцип в разных вариациях ясно прослеживаются в наиболее влиятельных ранних английских работах о Пушкине: разделах о нем в монографии Мориса Бэринга «Очерк русской литературы» (*An Outline of Russian Literature*, 1914) и в первом томе книги Д.С. Мирского «История русской литературы» (*A History of Russian Literature*, 1926). В первой из них стратегия сближения пушкинского творчества с английской культурой воплощается в жизнь особенно последовательно и разносторонне.

Вопрос о Пушкине и Байроне в трудах М. Бэринга

Морис Бэринг (Maurice Baring) – английский дипломат, журналист, поэт, писатель, переводчик, искренний русофил (Володько, 2018; Королева, 2023; Супрун, 2007), проживший в России около семи лет (с 1905 по 1912 г.), – сыграл важную роль в формировании пушкиноведения в Англии в начале XX в. Личность Пушкина и вопросы пушкинского творчества он осветил в двух своих научно-популярных трудах, посвященных истории русской литературы: «Вехи русской литературы» (*Landmarks in Russian literature*, 1910) и «Очерк русской литературы» (*An Outline of Russian Literature*, 1914). Первый из них лег в основу предисловия к оксфордской антологии русской поэзии (*The Oxford book of Russian Verse*, 1925), составленной им для серии «Оксфордских антологий» национальной поэзии и выдержавшей в течение 1920–1960-х гг. три издания в первой редакции и пять изданий – во второй. Соответственно, не только в сфере академической, но и в сферах просветительской и учебно-методической Бэринг имел возможность выражать, транслировать, отстаивать свои литературоведческие взгляды.

Следы бэринговской концепции пушкинского творчества, его способа подачи литературоведческой информации, его комбинации двух обозначенных стратегий прослеживаются, в частности, и в работах о Пушкине Д.С. Мирского, и в значимых для английской академической рецепции личности и творчества Пушкина монографиях «Пушкин и русская литература» (*Pushkin and Russian Literature*, 1947) и «От Пушкина к Маяковскому. Исследование литературной эволюции» (*From Pushkin to Mayakovsky. A Study in the Evolution of a Literature*, 1948) Янко Лаврина – профессора славистики в университете Ноттингема и друга Д.С. Мирского с начала 1920-х гг.

Воздействием пушкиноведения Бэринга отмечены, в частности, статьи о Пушкине таких выдающихся преподавателей Оксфордского университета, как С.М. Баура (С.М. Bowra, редактор-составитель антоло-

гии русской поэзии в переводах на английский, которая была издана не менее четырех раз: в 1943, 1947, 1971 и 1976 гг.) и Джон Бейли (John Bayley, автор первой большой подробной английской монографии о Пушкине (*Pushkin: a Comparative Commentary*, 1971)). То, что первая из этих статей была опубликована в 1950 г. (Pushkin. In *Oxford Slavonic Papers*, 1950, vol. 1; см. Гольшева, 1970, с. 206–207), а вторая – в 1983 г. (Bayley, 1983), также говорит о масштабной роли Бэринга в становлении английской пушкинистики.

Между тем обе книги Бэринга (и, соответственно, его предисловие к «Оксфордской антологии русской поэзии») рассказывают о русской литературе не столько с позиции литературной критики или литературоведения, сколько с позиции культурологии в ее особенном варианте, который можно назвать «этнофилософским». В «Вехах...» краткое описание пушкинского творчества дано в ключе тех общих особенностей русской культуры и русского менталитета, о которых Бэринг подробно рассуждает в историко-культурологических работах этого же периода – «Русском народе» (*The Russian People*, 1911) и «Истоках России» (*The Mainsprings of Russia*, 1914). Начиная с утверждения о том, что «русская поэзия <...> имеет твердое основание в здравом смысле»¹ («Russian poetry <...> is based on and saturated with sound common sense») (Baring, 1912, p. 25), Бэринг указывает на «величайшего русского поэта» («the greatest Russian poet») Пушкина: в отличие от европейских гениев этого времени, таких, как Шелли и Мюссе, он «извлекает поэзию из обыденности» («extract poetry from the daily life») и находит для нее «сбалансированную до совершенства» форму («perfectly balanced; this sense of balance and proportion blent with a rooted common sense») (Ibid., p. 27).

Это обобщение относительно особенностей русской поэзии в целом и творчества Пушкина в частности в точке «здравый смысл» смыкается с бэринговскими наблюдениями над характером русского человека, изложенными как в «Истоках России», так и в «Русском народе». Во второй из вышеупомянутых монографий (посвященной Г. Честертону, с которым Бэринга объединяла многолетняя дружба и католическая вера) имя Пушкина возникает в одном ряду с именами Суворова и Петра Первого в связи с иным наблюдением: русские способны «творить чудеса», преодолевая все возможные препятствия и пределы («...He will recognize no obstacles and no limits. He will accomplish miracles»), поскольку в русском народе вообще (и в русских гениях в особенности) есть удивительная черта «экстраординарной» одаренности энергией («extra flip of energy») (Baring, 1911, p. 49). Среди особенных черт русского народа Бэринг в этой работе также выделяет «человечность» («humane») и «адаптивность» («all-round adaptability») – признаки, которые, наряду с реалистичной ясностью, а также с пропорциональностью и сбалансированностью Бэринг перечисляет в ряду основных характеристик пушкинского творчества в «Вехах...» (Ibid., p. 40).

¹ Здесь и далее перевод с английского языка на русский выполнен мной. – С.К.

Свое же предисловие к оксфордской антологии русской поэзии Бэринг заключает словами о русской поэзии как выразителе русской души: «Русская поэзия выражает русскую душу. <...> То, что ею выражено, — это духовный жар, братское сочувствие, великодушная мудрость...» (“Russian poetry expresses the Russian soul. <...> What it expresses is a spiritual flame, a fraternal sympathy, a great-hearted wisdom...”) (Baring, 1971, p. xliv). Излишне говорить, что в устах англичанина, принявшего католичество в возрасте 35 лет (Королева, 2023, с. 145), эти характеристики есть выражение не только высочайшей оценки сущности русской культуры, но и убежденности в ее духовной (через христианство и христианские ценности) близости культуре европейской в целом и английской в частности.

Этот взгляд на сущность пушкинского гения — сквозь призму особенностей русской поэзии и русского менталитета и, в то же время, близости европейской, английской культуре — отстаивается и в «Очерке русской литературы». В относительно подробном рассказе Бэринга о творчестве Пушкина, изложенном на 45 страницах его второй и последней книги о русской литературе, он утверждает величие пушкинского творчества, акцентируя его универсальность и, в то же время, особенность его сущностных характеристик, его непреходящую ценность для мировой культуры. Приближая русского поэта к английскому читателю, Бэринг, в частности, сопоставляет образ Татьяны Лариной с героинями У. Шекспира и Дж. Остин, Г. Филдинга и Дж. Мередита (Baring, 1915, p. 75).

Особое место в размышлениях Бэринга о Пушкине и европейской культуре занимает Байрон. Воздействие Байрона на поэзию Пушкина Бэринг описывает и на материале «южных поэм», и относительно «Евгения Онегина», и (очень схематично) в том, что касается «Полтавы». Отмечая, что в южной ссылке Пушкин «изучал итальянский и английский» («learnt Italian and English») (Ibid., p. 61), Бэринг указывает на некоторое влияние на русского поэта творчества Шенье и на существенное — Байрона. Однако вместо анализа художественных особенностей и идейного содержания «южных поэм» Бэринг коротко поясняет, что образы главных героев в «Кавказском пленнике» и «Цыганах» восходят к образу Чайльда Гарольда: подобно герою Байрона, они, будучи молодыми, ощущают себя состарившимися и, «устав от жизни», ищут успокоения «в общении с природой» («he is young, but feels old; tired of life, he seeks for consolation in the loneliness of nature») (Ibid., p. 62). Этим, а также неясным замечанием относительно «некоторых байронических черт» («Byronic in some respects») (Ibid.) «Бахчисарайского фонтана», пересказом сюжетов и краткими суждениями о красоте описаний природы и простонародной жизни в «южных поэмах», собственно, и ограничиваются наблюдения над текстами. Что же касается общей увлеченности Байроном поэтами «пушкинского круга» и, в целом, «пушкинской поры» (увлеченности столь сильной, что в письме 1819 г. Вяземский, как известно, обещает «за каждый стих Байрона», переведенный с английского на русский, «заплатить жизнью своею»

(Остафьевский архив, 1899, с. 326–327)), то о ней у Бэринга не сказано ни слова. Творчество Пушкина, как, собственно, и всех остальных русских поэтов и писателей в его работе (в том числе, в отношении русского байронизма), описано в векторе общего развития русской культуры и литературы, но не в пространстве литературного процесса.

Важнее аналитических выкладок и литературного контекста для Бэринга оказывается оправдание Пушкина как поэта самобытного, при этом аллюзивный ряд, ключом к которому становится имя Байрона, включает в себя противопоставление классицизма романтизму, французского сада – английскому, неестественного – естественному. Отталкиваясь от устоявшегося у английского, европейского интеллектуала представления о вторичности пушкинской поэзии², он в подробностях размышляет над тем, что «Байрон дал ему [Пушкину] возможность ощутить собственные силы, показал ему путь из французского сада <...> в темные леса и свежие луга. <...> Пушкин никогда не имитирует Байрона; но Байрон <...> сделал для него то же, что Гомер Чапмена для Китса» («Byron revealed to him his own powers, showed him the way out of the French garden <...> to fresh woods and pastures new. <...> Pushkin is never imitative of Byron; but Byron <...> did for him what Chapman's Homer did for Keats») (Baring, 1915, p. 63).

Таким же образом Бэринг поступает и в отношении «Полтавы» и «Евгения Онегина»: коротко указывая в первом случае на полемическую соотнесенность поэмы Пушкина с байроновским «Мазепой», а во втором – на «Беппо», «Дон Жуана» и отчасти «Паломничество Чайльд Гарольда» как источники «Онегина», Бэринг каждый раз подчеркивает, что Пушкин создает произведения оригинальные, во многом отличные по своему содержанию и поэтической форме от байроновских. «Евгений Онегин», в характеристике Бэринга, – не стихотворная шутивная новелла (наподобие «Беппо»), не авантюрно-сатирическая и не описательная лироэпическая поэма (по типу «Дон Жуана» и «Паломничества»), но «реалистический роман» («It is a realistic novel; as real as Tolstoy») (Ibid., p. 74); «Полтава» же повествует не столько о Мазепе и его драматической судьбе, сколько об исторической роли Петра в возвышении России.

Более того, указывая на черты, которые в «Евгении Онегине» восходят к байроновскому «Дон Жуану» (изображение современности, лирические отступления, частая смена интонаций) (Ibid., p. 79), Бэринг завершает освещение проблемы «Пушкин и Байрон» эстетической оценкой их творчества: «Есть [между этими произведениями] и другое различие –

² Против этого стереотипа, не до конца побежденного в представлениях среднего английского обывателя и сегодня, автор статьи под названием “Russia’s Byron?” вынужден возражать в весьма резкой форме: “So often hailed as the Russian Byron, that description in fact pays scant justice to Pushkin, who was a far greater poet than his English counterpart.” (Russia’s Byron? // The Irish Times. January 10, 1999. <https://www.irishtimes.com/culture/russia-s-byron-1.194184>).

различие, которое можно отнести к Пушкину и Байрону вообще. У Пушкина отсутствует неровность; его произведения в аспекте мастерства целиком соответствуют самым высоким требованиям. Можно наслаждаться ими как в целостности их формы, так и <...> любой их отдельной частью <...>; тогда как Байрона нужно читать целиком или же не читать вообще – поскольку Пушкин как поэт безупречен, Байрон же – нет» («There is another difference – a difference which applies to Pushkin and Byron in general. There is no unevenness in Pushkin; his work, as far as craft is concerned, is always on the same high level. You can admire the whole, or <...> any single passage <...>; whereas Byron must be taken as a whole or not at all – the reason being that Pushkin was an impeccable artist in form and expression, and that Byron was not») (Ibid., p. 80).

К проблеме «Пушкин и Байрон» Бэринг возвращается в последний раз ближе к концу главы, когда пытается набросать психологический портрет русского поэта. Утверждая, что Пушкин не был «ни мятежником, ни реформатором», «ни либералом, ни консерватором», Бэринг сопоставляет русского поэта в аспекте мировоззрения с Гете (с оговоркой относительно пылкого пушкинского темперамента) и противопоставляет Сократу, Шелли и – Байрону (Ibid., p. 62–92). И поясняет: «В своем отношении к обществу он был подобен Гете, и отношение света и официальных лиц к нему напоминает отношение Веймара к Гете» (“He was like Goethe in his attitude towards society, and the attitude of the social and official world towards him resembles the attitude of Weimar towards Goethe”) (Ibid., p. 93). Углубляет эту характеристику ссылка на знаменитую «Пушкинскую речь» Достоевского: «Что делает его глубоко и подлинно русским, так это всеобъемлющая человечность – Достоевский говорит о его всеотзывчивости...» («And it is just this all-embracing humanity – Dostoyevsky calls him *πανάνθρωπος* <...> which makes him so profoundly Russian») (Ibid., p. 96). Для Бэринга, с его религиозным мировидением, это означало, конечно, «предпочтительность» пушкинского мировоззрения перед мировидением Байрона.

Таким образом, вопрос о влиянии Байрона на Пушкина решается Бэрингом через подчеркнутое выделение новаторства русского поэта в пересоздании заимствуемых им у Байрона жанровых форм, типа героя и черт поэтики, через выделение глубинной «русскости» пушкинского творчества, а также через утверждение превосходства русского поэта над английским в поэтическом мастерстве и (не так прямолинейно) – в мировоззрении.

Д. Мирский о Байроне и Пушкине (в диалоге с М. Бэрингом и В.М. Жирмунским)

Д.С. Мирский – «главный спец по русской литературе для англофонов» (в характеристике М.В. Ефимова) (Ефимов, 2019), сформировавший «своеобразный канон русской литературы для западного мира» (Ефимов,

2018, с. 3), – имел с Бэрингом личное знакомство еще со времени жизни обоих в Петербурге. Упоминание о его «восхитительном» прозаическом переводе пушкинского «Пророка» (который был дан Бэрингом в комментированной выше главе о Пушкине) в первом томе «Истории русской литературы» (Mirsky, 1926, p. 98) красноречиво свидетельствует о доброжелательном внимании, с которым Мирский отнесся к «Очерку...». Неудивительно, что стратегии, выбранные Бэрингом в качестве ключевых для характеристики пушкинской поэзии – в том числе, в ее отношении к поэзии Байрона, – были положительно восприняты Мирским и нашли отражение в его главе о Пушкине.

Мирский, как известно, написал о Пушкине небольшую монографию в биографическом ключе (*Pushkin*, 1926). Однако, в отличие от его двухтомного труда по истории русской литературы, эта книга, по свидетельству заслуженного профессора Оксфордского университета Джеральда Смита, не сыграла значительной роли в восприятии русской литературы в Британии: «Вот уже почти девяносто лет написанная Мирским по-английски «История русской литературы» имеет статус классической. При этом остальные англоязычные книги Мирского (достаточно назвать две наиболее значительные – «Пушкин» и «Россия: социальная история»), хотя и переиздавались время от времени, но для западного читателя остались периферийными» (Смит, 2014, с. 5). Кроме того, вопрос о Байроне и Пушкине подробно разбирается и в его «Истории...», поэтому обращение именно к ней в этом аспекте представляется оправданным.

В отличие от Бэринга, Мирский не сопоставляет пушкинский стиль или образы со стилем и героями английских поэтов и писателей. Однако стратегия приближения Пушкина к английскому читателю отчасти им также реализуется, но в другой форме: он не только пространно описывает особенности восприятия Пушкиным Байрона, не только упоминает о влиянии Шекспира на русского поэта в связи с трагедией «Борис Годунов», но и выделяет роль английских источников (Б. Корнуолла, У. Ченстона, Дж. Вильсона) в создании «маленьких трагедий», заключая вводное слово о них следующим замечанием: «Таким образом, «маленькие трагедии» можно считать во многом подсказанными английской культурой» («Thus the Little Tragedies may be regarded as largely due to English suggestion») (Mirsky, 1949, p. 96).

Более того, опираясь на «моду на все русское» и особенно – на популярность русского романа, утвердившиеся в Англии в 1920-е гг., в стратегии «сближения» Пушкина с английским читателем он делает ставку именно на это и на соответствующие «фоновые знания». Так, характеризуя значение «Евгения Онегина» для русской литературы, он выделяет в нем «тип реализма» («kind of realism»), «способ изображения характеров» («style of character drawing»), «сами характеры» («characters themselves») и «построение сюжета» («construction of the story») как определяющие факторы («fountainheads») для «позднейшего русского романа»

(«the later Russian novel») (Ibid., p. 88). Это общее замечание он разворачивает в обширный абзац, особенно выделяя в ряду известных английскому читателю русских романистов если не наиболее признанного, то наименее уязвимого с эстетической точки зрения – Тургенева.

По всей видимости, влиянием Бэринга подсказано и «этно-эстетическое» замечание относительно «русскости» пушкинского «Каменного гостя». Мысль о том, что «реалистичность» и «классическая простота» пушкинского творчества есть высшее выражение русского духа, русского характера, в работах Бэринга звучит многократно (с добавлением некоторых других признаков). У Мирского эта мысль приобретает несколько иное качество, переключаясь собственно с «духа» на «язык» и национальную «поэзию», и высказывается лишь однажды именно в связи с этой «маленькой трагедией». И все же преимущество бэринговской мысли налицо. Называя «Каменного гостя» «наиболее русским» из всех пушкинских произведений, Мирский поясняет: «...Оно достигает того, чего можно достичь только на русском языке: она одновременно классична, разговорна и поэтична, <...> она воплощает в своем совершенстве все наивысшие стремления русской поэзии: ее борьбу за выдержанное, безыскусное, реалистичное и лирическое совершенство» («...It achieves what can be achieved only in Russian, in being at once classical, colloquial, and poetical, and because it embodies in their perfection all the best aspirations of Russian poetry – its striving towards selective, unornamental, realistic, and lyrical perfection») (Ibid., p. 97).

Вслед за Бэрингом Мирский, описывая восприятие Пушкиным поэзии Байрона, настойчиво проводит мысль о творческой самостоятельности русского поэта. Более того, его вводные высказывания по своей логике и синтаксической модели подобны высказыванию Бэринга, ср.: “In speaking of the influence of Byron over Pushkin it is necessary to discriminate” («Говоря о влиянии Байрона на Пушкина, необходимо провести разграничительную линию») (Baring, 1915, p. 62) – «But the nature of this [Byron’s] influence must be clearly understood» («Но характер этого [байроновского] влияния должен быть понят правильно») (Mirsky, 1949, p. 85).

Так же, как его предшественник, Мирский борется со стереотипным представлением о подражательстве Пушкина Байрону, но борется с позиции филологической точности. Обозначая границы влияния английского поэта на русского, Мирский сразу выделяет линию стилистическую (противопоставляет «точный и логичный стиль» пушкинской поэзии «небрежной риторике» байроновской: «His exact and logical style is poles apart from Byron’s untidy rhetoric») и линию жанровую («влияние Байрона ограничено нарративными [лироэпическими] поэмами этого периода, и в них только выбор предмета и расположение материала связаны с байроновскими поэмами»: «Byron’s influence is limited to the narrative poems of this period, and in these it was the choice of

subject and the disposition of the material that are due to Byron») (Ibid., p. 85). Что касается рамок хронологических, он постепенно раздвигает их, говоря о влиянии Байрона и на «Цыган», и на «Евгения Онегина», и на «Полтаву», и на «Домик в Коломне». Однако только на примере «южных поэм» Мирский разбирает в некоторых деталях особенности восприятия Пушкиным байроновской поэтики.

Кроме стратегии борьбы со стереотипным представлением о вторичности пушкинской поэзии и некоторого налета «культурологичности», Мирского объединяет с Бэрингом и стремление дать эстетическую оценку: Пушкин и у Мирского «возносится» над Байроном, а заодно и над Стерном как поэт, который достиг вершин и поэтического совершенства, и поэтической свободы, — но здесь эта мысль, как и «культурологичность» подхода, выражена весьма осторожно, как бы намеком. Она читается в сопоставительных характеристиках пушкинского и байроновского стилей, приведенных выше. Оно же «мелькает» в выделении «описательных фрагментов» в «Кавказском пленнике» и «Бахчисарайском фонтане» как наиболее «оригинальных» и «самых прекрасных» частей этих поэм («The most original and the most beautiful parts in both poems are the purely descriptive passages») (Ibid., p. 86).

В то же время Мирский гораздо более детально и точно описывает то, каким образом Пушкин заимствует и преобразует черты байроновской поэтики, тип байронического героя. Будучи «заинтересованным читателем формалистов и ретранслятором <...> их историко-литературной практики в своих англоязычных работах» (Ефимов, 2018, с. 17) начала 1920-х гг., ведя в этот период интенсивную переписку с В.М. Жирмунским, Мирский, разумеется, не мог пройти мимо работы «Байрон и Пушкин», опубликованной двумя годами ранее выхода в свет его «Истории...» и «Пушкина». Более того, он дает высокую оценку этому труду в рецензии, написанной для «Современных записок» и опубликованной там в июне 1925 г. (Святополк-Мирский, 1925), и упоминает о ней в монографии «Пушкин» (Mirsky, 1963, p. 236). Точные наблюдения Жирмунского над формой и содержанием пушкинских произведений в их отношении к адаптируемым элементам байроновской поэзии, так же как общее внимание Мирского к достижениям русского формализма, способствовали выработке его взгляда на вопрос о Пушкине и Байроне.

Излагая этот взгляд в свойственной ему эссеистичной манере, Мирский перечисляет в ряду заимствуемых Пушкиным «элементов»-образов «восточную красавицу» («oriental beauty») «с ее жаркой и преданной любовью» («with her fierce or devoted love»), «разочарованного героя» («disillusioned hero») с «сильными страстями в прошлом» («with strong passions in the past»), «восточного властелина, угрюмого и молчаливого» («the oriental potentate, grim and silent»), и восточный колорит («the hot atmosphere of 'the clime of the East'»). Особо оговаривает он черты

«повествовательной манеры» («narrative manner») Байрона, также перенимаемые Пушкиным: фрагментарность композиции, сообщающую рассказу особый драматизм («fragmentary and dramatic manner of presentation»), неожиданность начала («beginning in medias res»), резкие переходы от одного эпизода к другому («abrupt transitions»), лиричность эпилога («lyrical epilogues») (Mirsky, 1949, p. 86).

К сожалению, точные наблюдения над особенностями поэтической формы у Мирского не затрагивают таких освещаемых в работе Жирмунского сторон, как лирическая манера повествования, характерные для описания внешности героя и героини приемы, мотивировка и сам характер отчужденности героя, характер идеализации и психологический портрет героини; не касается ученый и вопроса соотношения «восточного» у Байрона и Пушкина. Вообще, то, что касается особенностей преобразования черт поэтики Байрона в «южных поэмах» Пушкина, остается вне поля зрения Мирского. Он ограничивается краткими замечаниями о «классичности» стиля Пушкина, экспериментальном характере «Кавказского пленника» и «Бахчисарайского фонтана» как «упражнений на заимствованную тему» («exercises on a borrowed theme») и «поверхностном» влиянии «духа Байрона» на Пушкина («But the Byronic spirit was only superficially assimilated by Pushkin») (Ibid.).

Филологическая точность и детализированность взгляда практически теряются, когда речь идет о более поздних произведениях Пушкина, «подсказанных» Байроном – «Евгении Онегине», «Полтаве», «Домике в Коломне». В отношении последнего Мирский коротко отмечает его жанровое и строфическое (в октавной организации) подобие байроновскому «Беппо». О «Полтаве» говорит, что она восходит к Байрону только в жанре лироэпической поэмы («narrative in verse with a lyrical coloring») и в отрывочности композиции («abrupt passages from episode to episode»), полностью игнорируя очевидную полемику поэмы с байроновским «Мазепой» (Ibid., p. 90). По поводу отношений «романа в стихах» к «Дон Жуану» Мирский замечает, что Пушкин именно благодаря этой байроновской поэме вдохновился идеей «написания большой нарративной [лироэпической] поэмы в строфах» («writing a long narrative poem in stanzaed verse») на тему, «взятую из современности» («taken from contemporary life»), и со сменой интонаций «от серьезного к веселому» («a tone mingled of gravity and gaiety») (Ibid.). И, переходя к описанию содержания и поэтики «Евгения Онегина», добавляет: пушкинское произведение не имеет ключевых характеристик байроновской поэмы – ее «мореподобного размаха» («sea-like sweep») и «сатирической мощи» («satiric power») (Ibid., p. 87).

Вопросы о поэтике лирических отступлений, о соотношении голоса автора и героя, об игре с байроническим героем и в байронического героя, о некоторой соотнесенности образа Евгения Онегина с образом байроновского Дон Жуана, о подобии произведений в чертах стилистического разнообразия и стилистической игры Мирский оставляет в

стороне. Можно предположить, что такая резкая смена перспективы пристального компаративного (сравнительно-исторического) взгляда перспективой взгляда размытого, схватывающего лишь самые общие черты подобия, обусловлена отсутствием литературоведческой опоры в компаративных исследованиях. Что касается «южных поэм», эту опору Мирскому дала монография Жирмунского; для составления компаративного очерка в отношении более поздних произведений Пушкина у Мирского такой опоры не было.

Подтверждением этому служит тот факт, что Мирский, вслед за Жирмунским, отмечает необыкновенную популярность в русской литературе 1820-х гг. жанровой формы лироэпической поэмы. И, указывая на многочисленные подражания «южным поэмам» Пушкина, выделяет «Чернеца» Козлова как произведение, вступившее в прямой (а не опосредованный Пушкиным) диалог с байроновскими «восточными повестями» и породившее, как и пушкинский «Кавказский пленник», огромное количество подражаний (Ibid., p. 99).

Имагологический посыл и коммуникативные стратегии в книге Я. Лаврина о Пушкине и русской литературе

Стратегиями, избранными Бэрингом, во многом определяется описание отношений «Пушкин – английская культура» и «Пушкин – Байрон» в послевоенной научно-популярной книге «Пушкин и русская литература» (*Pushkin and Russian Literature*, 1947), вышедшей в серии «Самоучитель по истории» («Teach yourself history library») из-под пера Янко Лаврина – профессора славистики в университете Ноттингема и друга Д.С. Мирского с начала 1920-х гг. Лаврин, как и Бэринг, стремится приблизить Пушкина к английскому читателю и утвердить оригинальность его творчества, осветив восприятие поэзии Байрона в нем как пересоздание. Более того, в условиях разворачивания нового витка противостояния между Британией и Россией (СССР) на начальном этапе лолодной войны Я. Лаврин, очевидно, ставит своей задачей максимально выделить все, что сближает русскую и английскую культуры, как бы нивелировать в поле научно-просветительском, культурном те острые противоречия, которые наметились в поле политическом. При этом в решении проблемы «Пушкин – Байрон» ученый, по всей видимости, учитывает работы Д.С. Мирского.

Уже во вступительном замечании автор старательно указывает на связующую роль Пушкина между английской и русской культурой, объясняя свое «особое внимание» к русскому поэту «наиболее животрепещущей связью» его творчества «с английской литературой» («Special attention has been paid to Pushkin as the most vital link between Russian and English literature») (Lavrin, 1947, p. ix). Главу же о Пушкине Лаврин начинает сравнением роли Петра I в исторической судьбе России

с ролью Пушкина в развитии русской культуры – относительно Европы и европейской культуры: «Если Петр I «присоединил» Россию к Европе и, в то же время, сделал ее могущественной державой, то Александр Сергеевич Пушкин <...> достиг <...> подобных результатов в области русской литературы и <...> русской культуры в целом» (“If Peter I ‘annexed’ Russia to Europe and at the same time turned her into a Great Power, Alexander Sergeyevich Pushkin <...> achieved <...> something similar with regard to Russian literature and, for that matter, Russian culture in general”) (Ibid., p. 17). Эту параллель Лаврин объясняет не столько психологическим сходством двух гениев, не столько характером их одаренности, сколько «этнопсихологическим» основанием их личностей – и в этом стремлении вычленив в русских гениях сущностные черты русского национального характера снова слышен отзвук сочинений Бэринга.

Первоначально с имплицитной, а затем и с эксплицитной опорой на «Пушкинскую речь» Достоевского (и, по всей видимости, на размышления Мережковского о Пушкине и Петре) ученый так поясняет подобие личностей царя и поэта: «Они взаимоподобны в своей широте, в способности ассимилировать [чужое], в интуитивном схватывании духа времени, равно как в русскости характера; <...> их космополитические симпатии не <...> нарушили того, что было сущностно русским в обоих» («They resembled each other in their broadness, their assimilative power, their intuitive awareness of the Zeitgeist, as well as in their Russian character; <...> their cosmopolitan sympathies did not <...> interfere with what was essentially Russian in both») (Ibid.).

Как и Бэринг, вслед за Достоевским, в способности «ассимилировать чужое», во всеотзывчивости Пушкина Лаврин видит ярчайшее проявление русского национального характера. При этом он снова старательно разворачивает и высказывание Достоевского, и схваченную черту пушкинского творчества в сторону Англии и английского читателя. Отнюдь не точно интерпретируя Достоевского, Лаврин утверждает: писатель «подразумевал, что произведения Пушкина <...> воплотили вектор приближения к тому культурному синтезу Европы и России, которое Достоевский мыслил как одну из основных целей, которые должна ставить и даже достичь Россия» («meant <...> that Pushkin’s work as a whole embodied the nearest approach to that cultural synthesis between Europe and Russia which Dostoevsky himself saw as one of the tasks to be aimed at and perhaps achieved by Russia»). И приводит эту «вариацию на тему Достоевского» к выводу в логике избранной коммуникативной стратегии: «И поскольку среди тех элементов западной культуры, которые способствовали формированию его творчества и его гения, английская литература сыграла наиболее значительную роль, он [Пушкин], кроме всего прочего, является важной связующей нитью между Британией и Россией» («And since among those Western elements which helped to shape his work and his genius English literature played a most important part, he is

among other things a vital cultural link between Great Britain and Russia» (Ibid., p. 76).

Применяя этот тезис к теме «Пушкин – Байрон», Лаврин отмечает в «южных поэмах» лироэпический характер их жанра («new pattern of poetic narrative»; «its lyrical tonality»), фрагментарность композиции («fragmentary character»), романтическую тему («romantic themes») как черты, заимствованные из «восточных повестей». Удивительным образом выпуская из внимания тип героя, он сразу подводит черту, указывая, что из этого художественного материала Пушкин создает оригинальные произведения («But having done this he went his own way...») (Ibid., p. 94). Пробел в отношении типа героя он восполняет в монографии, изданной годом позднее, – «От Пушкина к Маяковскому»: в ней, в частности, говорится, что в «Кавказском пленнике» и «Цыганах» Пушкин «ввел в русскую литературу тип отчужденного героя, Чайльд Гарольда» («in *The Prisoner of the Caucasus* and in *The Gipsies* he introduced into Russian literature the uprooted Childe Harold type») (Lavrin, 1948, p. 21). И уточняет: «Этот сущностно романтический герой помещен в реалистическую обстановку» («This essentially romantic hero is shown in a realistic setting»). А затем дает короткую характеристику динамике изображения типа байронического героя у Пушкина: «Позже, в «Цыганах», он развенчал не только его [этого героя] эгоизм, но и ошибочность руссоистско-байронической идеи «возвращения к природе». <...> В конечном итоге, Пушкин развенчал и байроническую позу [разочарованности], мода на которую распространилась в его время и на берегах Невы, в своем знаменитом «Евгении Онегине» («Later, in *The Gipsies*, he debunked not only his egotism, but also the fallacy of any Rousseausque-Byronic “back to nature” tendency. <...> Finally, Pushkin debunked the Byronic poseur, fashionable in those days also on the banks of the Neva, in his famous *Eugene Onegin*») (Ibid.).

В своей первой монографии Лаврин ограничивается общими фразами о «байронических штрихах» (“Byronic touches”) в «Цыганах» и «Евгении Онегине» и сразу переходит к обобщенному суждению, в котором слышатся отзвуки оценок как Бэринга, так Мирского: «Байрон послужил Пушкину основой для [понимания] собственного своеобразия <...> Ни байроновская риторика, ни байроническая поза никогда не смогли „заразить“ его» («Pushkin made use of Byron only as a stepping-stone towards his own originality <...> Neither Byron’s rhetoric nor Byron’s pose could ever infect him») (Lavrin, 1947, p. 95).

Более подробно останавливаясь на контактной связи пушкинской «Полтавы» с байроновским «Мазепой», Лаврин синтезирует стратегии «оправдания» и «возвышения» Пушкина со стратегией приближения его к английскому читателю. В целом, в контексте его имплицитного пафоса противостояния идеологии холодной войны, все избираемые стратегии сливаются в его книге в одну общую линию «оправдания» русской культуры и русской истории. Отмечая, что Пушкин берет в качестве

эпиграфа к своей поэме отрывок из «Мазепы», он указывает на принципиальную разницу в изображении главного героя: «...Тогда как Байрон изобразил в романтическом ореоле одно из юношеских приключений Мазепы, Пушкин запечатлел его исторически правдиво и на вершине карьеры: как жестокого, тщеславного старого интригана, готовящего заговор в пользу шведского короля Карла XII против Петра Великого» («...Whereas Byron described one of Mazepa's youthful adventures in a romantic halo, Pushkin portrayed him at the height of his career and true to history: as a cruel, vainglorious old intriguer plotting with the Swedish king Charles XII against Peter the Great») (Ibid., p. 107–108).

Заключение

Общим выводом к рассказу об особенностях конструирования нарратива о сущности, аспектах, степени и динамике воздействия Байрона на Пушкина в британской пушкинистике 1910–1940-х гг. могло бы стать следующее положение: начиная с М. Бэринга, британские исследователи последовательно решали этот вопрос с опорой на коммуникативно-исследовательские стратегии приближения Пушкина к британскому читателю и борьбы со стереотипом о подражательности его творчества. Эти стратегии в той или иной степени сочетались с принципами исторической периодизации творчества Пушкина (историзации нарратива) и эстетической оценки его произведений, а также некоторой (имагологически заряженной) культурологичностью подхода. Взятая в последовательности написания и опубликования работ, британская пушкинистика этого периода обнаруживает свойство накопления и переработки исследовательского опыта, причем не только отечественного (то есть британского), но и советского. Ее ориентация на «горизонт читательских ожиданий», проявившая себя уже в выборе коммуникативно-исследовательских стратегий, в контексте социально-политической ситуации холодной войны задала общий вектор «оправданию» и «возвышению» Пушкина как способу «оправдания» русской культуры и истории. Ощутимым центром такого метонимического сближения стал аналитический разбор Я. Лавриным полемики Пушкина с Байроном на материале его лирико-героической поэмы «Полтава».

Парадоксальным (и, в то же время, закономерным) образом именно этот пушкинский текст стал едва ли не самой горячей точкой для нового идеологического, имагологического поворота в начале XXI в.: сегодня через постколониальный дискурс в британскую пушкинистику проникает нарратив «обвинения» пушкинской «Полтавы» в искажении истории, параллельного «оправдания» байроновского «Мазепы» и, в тесной связи с этим, резкой критики истории России как истории жестокого колониализма. Именно об этом статья преподавателя русской литературы и компаративистики Бристольского университета Коннора Доука,

опубликованная в журнале *Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies* (Doak, 2010). В «новой реальности» этого текста Пушкин «сочиняет пародию» на байроновскую поэму («the poem's primary function is to parody Byron» (Ibid., p. 88)) и тем самым «очерняет» Мазепу («The poem's vilification of Mazepa» (Ibid., p. 83)), а русские, соглашаясь с Пушкиным в его оценках, становятся колонизаторами, которые глумятся над колонизованным народом («how should a colonized people respond to traditional commemorations of colonial victories?» (Ibid., p. 84)). Над Пушкиным, «Полтавой», русской культурой, а заодно и украинским народом возносится в этой статье байроновский Мазепа, чье мужественное и спокойное приятие поражения прямо указано автором статьи как пример для всеобщего подражания.

Список литературы

- Алексеев М.П. Пушкин на Западе // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. 1937. Вып. 3. С. 104–151.
- Володько А.В. «Непостижимая связь между нами»: Морис Бэринг и Россия // Диалог со временем. 2018. Вып. 64. С. 165–178.
- Гольцшера А.И. Пушкин в английской критике 50–60 гг. // Ученые записки ГПИ им. А.И. Герцена. 1970. Т. 434: Пушкин и его современники. С. 205–210.
- Григорьев А.Л. Пушкин в зарубежном литературоведении // Пушкин: Исследования и материалы. 1974. Т. 7: Пушкин и мировая литература. С. 221–250.
- Ефимов М. Весьма мучительное свойство. К 80-летию гибели Д.П. Святополк-Мирского // Звезда. 2019. № 6. <https://magazines.gorky.media/zvezda/2019/6/vesma-muchitelnoe-svoystvo.html?ysclid=lvq7gwiyvvh928437608>
- Ефимов М.В. Д.П. Святополк-Мирский – историк русской литературы и литературный критик. Годы эмиграции (1920–1932): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2018. 390 с.
- Королева С.Б. Диалогические контексты художественного перевода: Пушкин в интерпретации Мориса Бэринга / отв. ред. А.В. Иванов // Современная германистика и западноевропейская литература. Вып. 5. М.: Флинта, 2023. С. 139–157.
- Остафьевский архив князей Вяземских / под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1899. Т. 1.
- Смит Дж. Параболы и парадоксы Д. Мирского / сост. О.А. Коростелев, М.В. Ефимов // Мирский Д. О литературе и искусстве: статьи и рецензии, 1922–1937. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 5–32.
- Сунрун Т.Н. Английские русофилы на рубеже XIX–XX веков. Англичане с русской душой // Виноград. 2007. № 1 (17). <https://vinograd.su/education/detail.php?id=42954>
- Святополк-Мирский Д. [Рец.] Издания Российского Института Истории Искусств // Современные записки. 1925. № 24. С. 434–438.
- Baring M. Landmarks in Russian Literature. New York: The Macmillan & Co, 1912. 299 p.
- Baring M. An Outline of Russian Literature. New York: H. Holt & Co; London: Williams & Norgate, 1915. 256 p.
- Baring M. Introduction // The Oxford Book of Russian Verse. Oxford: Clarendon Press, 1971. P. xiii–xliv.
- Baring M. The Russian People. London: Methuen & Co, 1911. 366 p.
- Bayley J. Looking in on Pushkin // The New York Review. 1983. February 3. <https://www.nybooks.com/articles/1983/02/03/looking-in-on-pushkin>

- Doak C.B.* Poltava at 300: Re-reading Byron's *Mazeppa* and Pushkin's *Poltava* in the Post-Soviet Era // Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies. 2010. Vol. 24. Nos. 1–2. P. 83–101. <https://miskinhill.com.au/journals/asees/24:1-2/poltava-at-300.pdf>
- Lavrin J.* Pushkin and Russian Literature. London: Hodder & Stoughton Ltd, for the English University Press, 1947. 226 p.
- Lavrin J.* From Pushkin to Mayakovsky. A Study in the Evolution of a Literature. London: Sylvan Press, 1948. 309 p.
- Mirsky D.S.* A History of Russian Literature. London: Routledge & Kegan Paul Ltd, 1949. 518 p.
- Mirsky D.S.* Pushkin. New York: Dutton & Co, 1963. 266 p.
- Pushkin in English: A list of works by and about Pushkin / A. Yarmolinsky (ed.). New York: The New York Public Library, 1937. 32 p.

Сведения об авторе:

Королева Светлана Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков, перевода, зарубежной литературы и межкультурной коммуникации, Высшая школа перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31а . ORCID: 0000-0002-7587-9027. E-mail: svetlakor0808@gmail.com